

Джон Уэр

Разграбление Германии после Второй мировой войны

Оригинал: John Wear. The Sacking of Germany after World War II

Источник: <https://www.inconvenienthistory.com/12/4/7549>

Перевод с английского, 2020 г. На русском языке публикуется впервые!

Во время Второй мировой войны опустошение Германии в процессе ведения тотальной войны поставило под серьезное сомнение послевоенную способность Германии выжить. Никогда еще в истории жизнеобеспечивающие ресурсы какой-либо страны не были так тщательно уничтожены. Вернувшись после победы в Европе, генерал Омар Брэдли заявил: «Я могу сказать вам, что Германия уничтожена целиком и полностью». [1]

Несмотря на успокаивающие слова лидеров союзников на Ялтинской и Потсдамской конференциях, немцам вскоре стало очевидно, что союзники пришли не в качестве освободителей. Вместо этого союзники пришли как завоеватели, столь же мстительные, жадные и безжалостные, как и все, кто когда-либо выигрывал войну. Эта статья документирует разграбление и разрушение Германии, продолжавшиеся уже после окончания Второй мировой войны.

Разграбление Германии

Красная армия начала разграбление Европы, как только вошла в Германию в 1944 году. Советское мародерство в Русской оккупационной зоне после окончания войны приобрело невероятный размах. Фабрики, нефтеперерабатывающие заводы, заводы первичной обработки сырья и другие предприятия тяжелой промышленности были разобраны и отправлены на восток в Советский Союз для их повторной сборки там. Все второстепенные железнодорожные ветки, электровозы, паровозы и их подвижной состав были отправлены в Советский Союз. Заводы, оставленные в Германии, эксплуатировались немцами исключительно в интересах Советского Союза. [2]

Красноармейцы присоединились к советскому правительству в массовом разграблении Германии. Одна женщина из Силезии писала:

«Если требовалось топливо, то обычно на дрова вырубали целые леса, или из пустых домов вырывали оконные рамы и двери, разбивали на месте и тут же использовали для разведения огня. Русские и поляки даже использовали лестничные клетки и перила в качестве дров. Со временем даже крыши домов

стали снимать и использовать для отопления.... Пустые дома, открытые, без оконных стекол, поросшие сорняками и покрытые грязью, крысы и мыши в огромном количестве, поля, на которых не собирали урожай, земли, которые некогда были плодородными, теперь полностью заросли сорняками и лежали под паром. Ни в одной деревне нельзя было увидеть хотя бы одну корову, лошадь или свинью... Русские всё увезли на восток или съели». [3]

Русские уничтожили многое из того, что не было разграблено. Еще одна немка описывает то, что она увидела, когда добралась домой в конце войны:

«Другие, кто уже был свидетелем проявлений российской оккупации, предупреждали нас, что мы увидим там ад, и что вообще нам следовало бы отказаться от нашей безнадежной миссии. Таким образом, мы ожидаем худшего, но наше представление о худшем не подготовило нас в достаточной степени к реальности. Потрясенные до грани шока, мы исследуем поле боя – кучи отходов, сквозь которые поломанные предметы мебели поднимаются как скалы; зловоние преследует нас, почти заставляя отступать. Изорванные остатки одежды, раздавленная посуда, книги, фотографии, вырванные из рамок – развалины в каждой комнате. Мы не можем заглянуть в столовую, потому что она заперта. Прежде всего, тошнотворное зловоние, которое исходит из самой большой и полностью разрушенной гостиной! Испорченное содержимое сочится из расколотых консервных банок, мусор неопределенного происхождения смешивается с безошибочно узнаваемыми человеческими экскрементами, а высушенное пятно мочи обесцвечивает смятую бумагу и тряпки. Мы с осторожностью пробираемся по этой свалке и глядим на некоторые из практически неузнаваемых вещей. Преодолевая наше отвращение, мы проникаем в нижние слои и обнаруживаем невредимые книги, разбросанные фотографии, пачки старых писем, натываемся на разнородные предметы серебряной посуды, иногда на случайно неразбитое блюдо». [4]

Советские солдаты были поражены обилием материальных благ в Германии. Такое большое количество автомобилей, тракторов, мотоциклов, велосипедов, кухонных плит, радиоприемников и других товаров общего пользования было вне пределов воображения для многих советских солдат. Один русский солдат отметил, что в Германии из одного дома можно вынести больше, чем из всей типичной деревни в Советском Союзе. Другой советский солдат признавался: «Все мы, офицеры и солдаты, видели богатство и процветание капиталистической страны и не могли поверить нашим глазам. Мы никогда не верили, что может быть такое изобилие товаров». И это немецкое материальное изобилие было либо разграблено, либо уничтожено Красной армией. [5]

Даже в разрушенном состоянии Берлин был для русских образцом богатства. Русские украли все велосипеды, которые могли найти. Граммофоны, наручные часы, лампочки и зажигалки были для большинства русских солдат не только в новинку, но и ценились как вещи, которые следовало собирать. Они также

конфисковали любой алкоголь, до которого могли добраться. Все, что Красная армия не крала, красноармейцы уничтожали, в том числе ценный антиквариат, музыкальные инструменты и элегантную одежду. [6]

Американские солдаты также обворовывали немцев и заставляли немецких детей голодать. Знаменитый американский лётчик Чарльз Линдберг писал:

«Дома наши газеты публикуют статьи о том, как мы «освобождаем» угнетенные страны и народы. Здесь наши солдаты используют слово «освободить», чтобы описать способ получения награбленного. Всё, что взято у вражеского дома или человека, «освобождается» на языке американских солдат. Фотоаппараты Leica «освобождаются» (вероятно, самый желанный предмет); оружие, пища, предметы искусства. Все, что забирают без оплаты, «освобождается». Солдат, который насилует немку, «освободил» ее...

Немецкие дети смотрят в окно. У нас еды больше, чем нужно, но правила запрещают давать её им. На них больно смотреть. Мне стыдно, за себя, за свой народ, как я ем и наблюдаю за этими детьми. Они не виноваты в войне. Это голодные дети. Какое право у нас есть набивать себе брюхо, пока они смотрят на нас – хорошо откормленные мужчины едят, оставляя лишнюю еду на тарелках, в то время как голодные дети смотрят на них? ... В американской армии изобилие еды, и мало кто из солдат, кажется, беспокоится о том, насколько голодны немецкие дети за дверью». [7]

Репортёр Уильям Х. Стоунман из газеты «Chicago Daily News» был шокирован вандализмом и разграблением, устраиваемым американскими войсками. Стоунман, находившийся в 3-й армии США, писал в мае 1945 года:

«На меня произвели впечатление небрежность, с которой обращались с трофеями, и то, каким образом огромные запасы продовольствия были оставлены безрассудным толпам мародеров...

Стоящие миллионы долларов редкие вещи, от филигранных линз «Zeiss» до масла, сыра и дорогостоящих автомобилей, уничтожаются, потому что армия не организовала систему сбора и хранения ценных материалов противника.

Фронтовые войска бесцеремонны, когда дело касается вражеского имущества. Они, естественно, берут то, что находят, если это выглядит интересно, и, потому что они на переднем крае, никто ничего не говорит....

Но то, что забирают фронтовые войска, ничто по сравнению с ущербом, нанесенным беспардонным вандализмом некоторых из следующих за ними войск. Они, кажется, губят все, включая самые простые личные вещи людей, в чьих домах они располагаются на постой». [8]

Начальник военной полиции армии США подполковник Джеральд Ф. Бин получил задание заниматься преступлениями, совершаемыми американскими солдатами. В официальном докладе, опубликованном в Берлине в конце 1945 года, Бин заявил, что кражи и ограбления были наиболее частыми преступлениями, совершаемыми нашими солдатами. Газета «Chicago Tribune» так прокомментировала его сообщение:

«Что касается преступлений, совершенных против собственности, то объяснение довольно очевидное. Не было предпринято никаких эффективных шагов, чтобы воспрепятствовать грабёжам со стороны вторгшихся армий во время войны. Офицеры и солдаты совершали это преступление и в большинстве своем оставались безнаказанными. Его терпели под видом какого-то эфемеризма, вроде собирания сувениров. Привычку воровать, однажды сформировавшуюся, трудно сломать. Вина, конечно, лежит на верховном командовании, которое допустило такие злоупотребления. Заявление полковника Бина говорит о том, что армия с опозданием пытается исправить свою ошибку». [9]

Иностранные рабочие и перемещенные лица также часто грабили немецкую собственность после окончания войны. Немцы пребывали в страхе, когда иностранные рабочие «проходили по стране, воруя, грабя и убивая». Союзные солдаты часто с безразличием смотрели на то, как иностранные рабочие грабят немецкие магазины – что стало еще более прощало, когда был введен комендантский час в отношении немцев, но не в отношении иностранных рабочих. Перемещенные лица в Мюнхене, которые составляли 4% населения, были привлечены к ответственности за три четверти преступлений, совершенных в городе. Один священник в Гёрлице писал, как после окончания войны полчища иностранных рабочих оставили этот город заваленным обломками от их разграбления. [10]

Воровство в Германии после войны не ограничивалось мелкими кражами. Целые правительства были вовлечены в ограбление Германии от всего хоть сколь-нибудь ценного. Одним из приоритетов советских оккупационных властей было изъятие важных произведений искусства, найденных в Берлине и по всей Германии. Это была тщательно спланированная операция, причем украденные советскими войсками произведения искусства изначально планировалось выставить в огромном музее военных трофеев. Когда после войны мировое общественное мнение изменилось против Советов, они предпочли скрыть произведения искусства в специальных закрытых галереях по всему Советскому Союзу. Многие из картин остаются спрятанными в запасниках и по сей день. [11]

Британская королевская семья также конфисковала свою долю немецкой добычи. Например, яхта Германа Геринга «Карин II» оказалась в руках британской королевской семьи. [12] Британская королевская семья поручила совет-

скому шпиону Энтони Бланту отправиться в Ганновер, чтобы завладеть драгоценностями немецкой монархии. Хотя эти драгоценности позже пришлось вернуть законным владельцам, некоторые драгоценности так и не были возвращены. [13]

Хотя США не забирали для себя немецкие заводы и фабрики, они в партнерстве с Британией проводили систематическую кампанию по поиску всех немецких контактов и активов, находящихся за рубежом. План состоял в том, чтобы ликвидировать немецкую конкуренцию в мировой торговле. Известная как «программа замещения», эта кампания была направлена на насильственную ликвидацию всех накоплений немецкого капитала за рубежом. Программа замещения была разработана для того, чтобы не позволить Германии когда-либо снова вести внешнюю торговлю в существенных масштабах. [14]

США также приняли «Программу безопасной гавани», которая с начала войны не позволяла Германии пользоваться немецкими капиталовложениями, находившимися за рубежом. В соответствии с этой программой финансовые и корпоративные капиталовложения и собственность немецких граждан, находящиеся за пределами Германии, были либо арестованы, либо подвергнуты конфискации. Внешняя деятельность «Программы безопасной гавани» вынудила Швейцарию, Швецию, Испанию и другие страны передать США свои принадлежащие немцам активы. Министерство юстиции США также конфисковало имущество на сумму около миллиарда долларов в Соединенных Штатах, которое, как полагали, принадлежало немцам, даже несмотря на то, что это имущество было зарегистрировано на имена граждан нейтральных стран, таких как Швеция и Швейцария. [15]

Похищение немецких мозгов и рабочей силы

Германия также пережила «духовный демонтаж», состоявший в том, что сотни немецких ученых были вынуждены иммигрировать к победителям. Одно государственное ведомство США тихо признало, что Операция «Скрепка» (Operation Paperclip) стала первым в истории случаем, когда завоеватели попытались захватить изобретательную силу нации. Журнал «Life» добавил, что реальная выгода от репараций этой войны «была не в конфискованных фабриках, золоте или художественных произведениях, а в немецких мозгах и в результатах немецких исследований». [16]

Немецкий химик Отто Хан с горечью писал об экспорте немецких учёных в зарубежные страны:

«Большинство пожилых профессоров покидают Германию совсем неохотно, потому что чувствуют, что их место здесь. Но нужда вынуждает их, потому что у них отнимают их средства к существованию и возможности работать в их

стране, или же они остаются в состоянии постоянного страха перед таким явлением. И всё это после того, как мы уже накопили достаточно опыта в том, что значит заменить компетентных людей «политически безупречными» дилетантами. Но вот что еще больше угнетает этих людей: осознание того, что речь, очевидно, идет не о почетном назначении в какое-то независимое научно-исследовательское учреждение или университет какого-то уровня, а (по крайней мере, по мнению американской прессы) составляет часть «репараций». Столетия назад князья отправляли своих соотечественников за границу в качестве работников на плантациях или солдат. Сегодня экспортируют учёных». [17]

Горечь – это слово, которое часто появляется в статьях и письмах немецких учёных после войны. Отто Хан писал в 1949 году: «Конечно, понятно, что демонтаж фабрик, который все еще происходит через четыре года после капитуляции, воспринимают с горечью, особенно среди академической молодежи». [18]

Советы также пытались похитить или переманить к себе ученых и техников, которые могли бы им пригодиться. Получивший Нобелевскую премию немецкий физик Густав Герц был доставлен в Советский Союз, чтобы помочь Советам в разработке ядерного оружия. 21 октября 1945 года в Советский Союз поездом было отправлено большое количество квалифицированных немецких рабочих, техников и учёных. Западные союзники выступили со слабым протестом, который русские просто проигнорировали. [19]

Миллионы немцев также были отправлены в Советский Союз для использования в качестве рабской рабочей силы. 29 июня 1945 года был опубликован следующий доклад:

«Немецких военнопленных в русских руках, по оценкам, насчитывается от четырех до пяти миллионов. Когда Берлин и Бреслау сдались, длинные серозеленые колонны пленных потянулись на восток, униженные и испуганные... к огромным сборным пунктам под Ленинградом, Москвой, Минском, Сталинградом, Киевом, Харьковом и Севастополем. Всем мужчинам в хорошей физической форме приходилось проходить пешком около 22 миль в день. Те, кто был ранен или болен, передвигались в ручных тележках или повозках, которых тянули сохранившиеся животные... Их заставят восстановить разрушенные ими русские города и деревни. Они не вернутся домой до завершения работ». [20]

Некоторые искалеченные и больные немцы, пережившие русские лагеря рабского труда, вернулись в Берлин, где их опрашивали американские корреспонденты. Немецкие женщины из Красного Креста 10 сентября 1946 года

встретили поезд из двадцати вагонов, который привез возвращавшихся подневольных рабочих из Советского Союза. Одна профессиональная медсестра рассказала их историю:

«Они пробыли в поезде почти неделю, которая понадобилась, чтобы проехать всего 60 миль от Франкфурта-на-Одере до Берлина. Там были смерти от голода, не только от голода во время этой поездки, а от всех невзгод этого путешествия после месяцев недоедания в русских трудовых лагерях. Почти все из 800 или 900 человек в этом поезде были больны или покалечены. Вы могли бы сказать, что все они инвалиды. Так как в каждый маленький вагон было набито по 40-50 человек, то больные должны были спать рядом с мертвыми во время своего путешествия домой. Я не считала их, но уверена, что мы извлекли более 25 трупов. Других пришлось доставлять в больницы. Я спросила нескольких из мужчин, делали ли русские охранники или врачи что-нибудь в поездке, чтобы ухаживать за больными. Они сказали: «Нет».

Я встретила только одного бодрого, здорового человека во всей этой группе, и с тех пор я встречалась с ним. Он был просто ребенком 17 лет. Этот мальчик рассказал мне, что пленных, выезжающих из русских лагерей в Германию, обыскивают, чтобы не допустить контрабандной доставки писем для их товарищей. Поэтому, когда одному из них поставили диагноз безнадежного инвалида, в ожидании выписки он запоминал имена и адреса родственников, которым он мог бы рассказать о своих сокамерниках. Он рассказывал, что только заключенные, находящиеся на особом положении, могут отправлять открытки ближайшим родственникам. Этот семнадцатилетний паренек заучил 80 имен и адресов в Берлине родственников своих лагерных друзей. Он обнаружил здания по большинству адресов в руинах, при этом нынешнее местонахождение бывших жильцов неизвестно, но он посетил все восемьдесят адресов в первые шесть дней своего пребывания в Берлине». [21]

Если пленным, освобожденным русскими как непригодных к дальнейшим принудительным работам, удавалось восстановить свое здоровье, их обычно отправляли обратно в Советский Союз, снова на принудительные работы. Трудоспособные немцы, освобожденные в Британской или Американской зонах оккупации и вернувшиеся в свои дома в Советской зоне, также обычно отправлялись в Советский Союз для рабского труда. Малейшее неповиновение в русских лагерях наказывалось такой тяжелой работой, что треть слушников умерла в течение трех недель от истощения. Немецкие пленные, передаваемые русским, часто совершали самоубийства или пытались как-то покалечить себя, чтобы избежать отправки в советские лагеря рабского труда. [22]

По данным Международного комитета Красного Креста (МККК), в августе 1946 года во Франции было 680 000 бывших немецких солдат, работавших там в качестве рабов. Из этого числа 475 000 были захвачены в плен американцами

и переданы французам для принудительных работ. После того как было доставлено 320 000 немецких пленников, французы вернули 2474 из них американцам, поскольку они страдали от сильного недоедания и не могли работать. Фотограф агентства «Ассошиэйтед пресс» Генри Гриффин, сделавший снимки гор трупов в Бухенвальде и Дахау, сказал об этих вернувшихся немцах: «Единственная разница, которую я вижу между этими людьми и теми трупами, заключается в том, что здесь они все еще дышат». [23]

МККК сообщил, что в августе 1946 года Великобритания использовала 460 000 немцев в качестве рабочих-рабов; США 284 000; Югославия 80 000; Бельгия 48 000; Чехословакия 45 000; Люксембург – 4 000; и Голландия 1300. Держать столь большое количество немцев вдали от их семей (дома, средства к существованию) было прямым нападением на немецкие дома и семьи, один за другим. МККК осудил систему рабского труда союзников:

«Соединенные Штаты, Великобритания и Франция спустя почти год после наступления мира нарушают соглашения Международного Красного Креста, которые они торжественно подписали в 1929 году.

Расследование, проведенное сегодня в штаб-квартире в Женеве, показало, что передача немецких военнопленных, захваченных американской армией, французским и британским властям на принудительные работы нигде не допускается в уставах Международного Красного Креста, который является высшим авторитетом в этой сфере в мире.

Хотя тысячи бывших немецких солдат используются на опасных работах по разминированию минных полей, устранению морских мин, уничтожению излишков боеприпасов и разрушению разрушенных зданий, Женевская конвенция прямо запрещает использовать военнопленных «на любых опасных работах или при перевозке любых материалов, используемых в военных действиях» ...

«Передача американцами немецких пленников французам и англичанам для принудительных работ уже приводится русскими в качестве оправдания для того, чтобы они удерживали немецких военнопленных до тех пор, пока те способны работать», – признавал сотрудник Международного Красного Креста. «Натуральный обмен пленными вражескими солдатами, осуществляемый победителями, отбрасывает мир назад в Средневековье – когда феодальные бароны совершали набеги на прилегающие герцогства, чтобы пополнить поголовье своего человеческого скота». [24]

Женщины, дети и старики также были вынуждены работать на союзников. Ни одна работа не была слишком отвратительной или унижительной для побежденных немцев. Некоторые рабочие задания были особенно неприятными, как

ясно дает понять одна женщина: «В результате военных разрушений... туалеты были забиты и грязные. Эту грязь мы должны были вычищать руками, не имея для этого никаких приспособлений. Экскременты перетасили во двор, забросили лопатами в тачки, которые мы должны были дотащить до выгребных ям. Ужасным было то, что мы все были грязными от экскрементов, которых выбрасывали целые струи, но мы нигде не могли почиститься и помыться». [25]

Еще одна немка из Советской зоны добавила:

«Нам пришлось строить взлетно-посадочные полосы, и разбивать камни. Под снегом и дождем, с шести утра и до девяти вечера, мы работали вдоль дорог. Любой русский, которому этого хотелось, мог отвести любую из нас в сторону. Утром и поздно вечером мы получали холодную воду и кусок хлеба, а в полдень суп из измельченного, неочищенного картофеля, без соли. Ночью мы спали на полу фермерских домов или конюшен, смертельно уставшие, прижимаясь друг к другу. Но мы так часто просыпались, когда стоны и хныканье в кромешной тьме помещения объявляли о присутствии одного из охранников». [26]

Как ясно дает понять эта женщина и другие, немецкие женщины могли быть изнасилованы даже при выполнении принудительных работ для союзников. Одна немка, работавшая в поле, где она сажала картошку, говорила: «Если они хотели какую-то девушку, они просто приходили на поле и забирали ее». [27]

Заключение

Президент США Гарри Трумэн присоединился к генералам Эйзенхауэру и Брэдли 20 июля 1945 года на церемонии официального подъема американского флага над американским сектором Берлина. Выступая импровизационно, без предварительно подготовленных заметок, Трумэн сказал американским солдатам: «Мы не боремся за завоевание. Нет ни одного участка территории, ни одного предмета денежного характера, который мы хотим получить от этой войны». [28]

Не исключено, что президент Трумэн искренне верил в эти слова, когда произносил их. Однако миллиарды долларов золотом, серебром, валютой, бесценными картинами и другими произведениями искусства были украдены из Германии и отправлены в США. Еще более важно то, что немецкие патенты и товарные знаки, полные чертежи немецких технологических достижений, тонны секретных документов были изъяты союзниками. Сотни немецких ученых были вынуждены иммигрировать в США. Как признало одно американское правительственное ведомство, Операция «Скрепка» была первой в истории, когда

завоеватели попытались выпотрошить изобретательскую силу целой нации. [29]

Официальные историки утверждают, что американский грабеж Германии был скомпенсирован финансовой помощью, предоставленной США Германии в рамках Плана Маршалла. Помощь по Плану Маршалла, однако, была в основном займом, и Германия полностью выплатила этот кредит с процентами в последующие годы. По одной из оценок США конфисковали в десять раз больше немецких национальных богатств, чем составляла вся сумма помощи по Плану Маршалла. [30] Джеймс Бак подсчитал, что американцы получили от Германии (постоянно) по меньшей мере в двадцать раз больше той суммы, которую немцы получили (на время) по Плану Маршалла. [31] Помощь по Плану Маршалла отнюдь не снимает с Соединенных Штатов вину за те огромные преступления, которые были совершены против немцев после Второй мировой войны.

Примечания

[1] Keeling, Ralph Franklin, *Gruesome Harvest: The Allies' Postwar War against the German People*, Torrance, Cal.: Institute for Historical Review, 1992, стр. 1.

[2] Goodrich, Thomas, *Hellstorm: The Death of Nazi Germany, 1944-1947*, Sheridan, Colo.: Aberdeen Books, 2010, стр. 280.

[3] *Там же*, стр. 280-281.

[4] Shelton, Regina Maria, *To Lose a War—Memories of a German Girl*, Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1982, стр. 138.

[5] Goodrich, Thomas, *Hellstorm: The Death of Nazi Germany, 1944-1947*, Sheridan, Colo.: Aberdeen Books, 2010, стр. 152-154.

[6] MacDonogh, Giles, *After the Reich: The Brutal History of the Allied Occupation*, New York: Basic Books, 2007, стр. 96-98.

[7] Lindbergh, Charles, *The Wartime Journals of Charles A. Lindbergh*, New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1970, стр. 953, 960-961, 989-990.

[8] Keeling, Ralph Franklin, *Gruesome Harvest: The Allies' Postwar War against the German People*, Torrance, Cal.: Institute for Historical Review, 1992, стр. 42-43.

[9] *Там же*, стр. 43-44. Quoted from *Chicago Sunday Tribune*, Nov. 18, 1945, стр. 22.

[10] Bessel, Richard, *Germany 1945: From War to Peace*, London: Harper Perennial, 2010, стр. 165-166.

[11] MacDonogh, Giles, *After the Reich: The Brutal History of the Allied Occupation*, New York: Basic Books, 2007, стр. 381.

[12] *Там же*

[13] Walsh, Michael, *The Battle for Europe: Hidden Truths about the Second World War*, East Sussex, United Kingdom: The Historical Review Press, 2012, стр. 93.

- [14] Keeling, Ralph Franklin, *Gruesome Harvest: The Allies' Postwar War against the German People*, Torrance, Cal.: Institute for Historical Review, 1992, стр. 53.
- [15] Там же, стр. 54.
- [16] Goodrich, Thomas, *Hellstorm: The Death of Nazi Germany, 1944-1947*, Sheridan, Colo.: Aberdeen Books, 2010, стр. 282.
- [17] Hentschel, Klaus, *The Mental Aftermath: The Mentality of German Physicists, 1945-1949*, Oxford: Oxford University Press, 2007, стр. 81-82.
- [18] Там же, стр. 81.
- [19] MacDonogh, Giles, *After the Reich: The Brutal History of the Allied Occupation*, New York: Basic Books, 2007, стр. 391.
- [20] Keeling, Ralph Franklin, *Gruesome Harvest: The Allies' Postwar War against the German People*, Torrance, Cal.: Institute for Historical Review, 1992, стр. 19-20.
- [21] Там же, стр. 20-21.
- [22] Там же, стр. 21-22.
- [23] Там же, стр. 22-24.
- [24] Там же, стр. 25-28.
- [25] Goodrich, Thomas, *Hellstorm: The Death of Nazi Germany, 1944-1947*, Sheridan, Colo.: Aberdeen Books, 2010, стр. 297-298.
- [26] Там же, стр. 298.
- [27] Там же
- [28] Beschloss, Michael R., *The Conquerors: Roosevelt, Truman and the Destruction of Hitler's Germany, 1941-1945*, New York: Simon & Schuster, 2002, стр. 257.
- [29] Goodrich, Thomas, *Hellstorm: The Death of Nazi Germany, 1944-1947*, Sheridan, Colo.: Aberdeen Books, 2010, стр. 282.
- [30] Schmidt, Hans, *Hitler Boys in America: Re-Education Exposed*, Pensacola, Fla.: Hans Schmidt Publications, 2003, стр. 266-267.
- [31] Bacque, James, *Crimes and Mercies: The Fate of German Civilians under Allied Occupation, 1944-1950*, 2nd edition, Vancouver, British Columbia: Talonbooks, 2007, стр. 167.